

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ: ВЗГЛЯД ПУБЛИЦИСТОВ- КОНСЕРВАТОРОВ ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКИ 1905–1907 ГГ.

Павел Евгеньевич Липовецкий

кандидат богословия
доцент кафедры церковной истории
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
plipovesky@rambler.ru

Для цитирования: *Липовецкий П. Е.* Революция и революционеры: взгляд публицистов-консерваторов церковной периодики 1905–1907 гг. // Церковный историк. 2019. Т. 1. № 1. С. 250–260.

Аннотация

В статье раскрывается отношение православных публицистов консервативного направления к событиям Первой русской революции 1905–1907 гг. Анализ понятийного аппарата авторов позволил выявить два важнейших понятия, служивших для выражения отношения к революции: «смута» и «враги». Смута по своей сути отождествлялась авторами материалов с периодом начала XVII в. Вместе с нестабильностью как чертой времени в их глазах важной чертой была и необходимость защищать Родину от угрожавших ей «врагов». В определении последних публицисты вкладывали целый набор черт — от внешнего вида и манеры поведения до оценки их духовного состояния. Вместе с тем «враги» в статьях разделялись на внешних и внутренних в зависимости от происхождения и методов борьбы.

Ключевые слова: церковная периодика, Первая русская революция, консерватизм, церковный консерватизм, православная публицистика, история Русской Церкви в 1905–1907 гг.

События Первой русской революции не только изменили политический строй Российской империи, но и поставили в общественной жизни новые вопросы, требовавшие обсуждения. Прежде всего это вопрос об отношении к самому явлению кризиса государственного устройства. Острым он был и для церковной общественности, которая почти с самого начала 1905 г., так же как всё остальное общество, оказалась разделённой на сторонников и противников революции. Особенно ярко различные точки зрения прослеживаются на страницах церковной периодики.

В данной статье будет рассмотрена одна точка зрения на революцию из существовавших на тот момент в Русской Церкви, а именно — консервативная. Вместе со всем остальным обществом во взгляде на происходящие вокруг события разделась и церковная периодика. Авторы материалов ряда газет и журналов выступили с критикой революционных преобразований. Обличительные статьи в большом количестве печатали такие издания, как «Почаевский листок», «Троицкие листки», «Вера и Церковь», «Миссионерское обозрение», «Доброе слово» и другие. Некоторые издания, заняв в целом нейтральную по отношению к революции позицию, время от времени всё же публиковали материалы, отражающие консервативную точку зрения. К таким изданиям можно отнести официальный орган Святейшего Синода «Церковные ведомости», журнал Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник». Благодаря анализу материалов, авторы которых выступали с критикой программ и методов революционеров, становится возможным реконструировать отношение консервативных церковных публицистов к событиям Первой русской революции.

Православные консервативные публицисты строили свои рассуждения о современных им революционных событиях вокруг двух понятий: «смута» и «враги». Все революционные беспорядки, демонстрации и другие события получали обобщающее название «смуты». При этом революционная смута начала прошлого века ставилась в ряд с другими переломными событиями из прошлого России. В одном контексте публицистами помещались монгольское нашествие, война с Казанью и война с Наполеоном¹, но самым популярным примером

1 См., например: Л. М. Б. По поводу событий, переживаемых Россией, и послания Святейшего Синода православным русским людям // Известия по Харьковской епархии. 1905. Кн. 2. 31 января. С. 62.

был образ Смутного времени начала XVII в.² Очевидно, что все эти исторические события, помещённые в одном ряду, объединялись двумя обстоятельствами: они сопровождалась трудными испытаниями для России и неременной победой над внешним врагом.

Популярность образа Смутного времени объясняется внешней схожестью с революционной ситуацией в России начала XX в.: противостояние подданных одной страны между собой. Однако здесь было бы уместно вспомнить и другое событие — феодальную раздробленность, во время которой, как известно, также происходили войны между представителями одного народа. Но раздробленность в консервативной церковной периодике того времени упоминается редко. Возможно, это произошло потому, что у Смуты XVII в. были ещё две сходных с революцией черты. Во-первых, во время обоих событий государственная власть оказывалась чрезвычайно ослабленной и требовалась народная самоорганизация. Во-вторых, смута осложнялась внешней интервенцией, и часть населения была фактически пособниками иностранных оккупантов — поляков и шведов. Следовательно, через образ Смутного времени до читателя как бы доносили отношение к современным событиям: хотя воют между собой подданные Российской империи, одни из них правы, а другие — нет. Потому что эта гражданская война по сути своей война в защиту Родины от оккупантов и их пособников внутри страны. Отличие в том, что эти оккупанты — не солдаты иностранных государств, а соотечественники, перешедшие на сторону противника. Здесь и возникает второе представление о том, кто является внутренним врагом.

Образ врага присутствует у подавляющей части современников. Но в материалах церковных публицистов консервативного направления он достигает своей завершённости, «внутренних и внешних врагов России»³. Именно их действия, по мнению прессы, подталкивали народ к организации беспорядков. Помимо консервативной церковной прессы, это понятие активно использовалось и в материалах официального направления, в том числе в правительственных и синодальных документах, касавшихся описания беспорядков⁴.

2 Там же; *Никольский П.* Церковь и общественная жизнь // Православный путеводитель. 1905. Т. 1. Январь. С. 145; За что мы наказываемся. (Из поучения Макария Епископа Томского) // Приходская жизнь. 1905. № 10. Октябрь. С. 309 и др.

3 Причины печальных событий // Церковный вестник. 1905. № 3. С. 65.

4 Там же; Послание Святейшего Синода // Вера и Церковь. 1905. Книга 2. С. 234; События ежедневной жизни // Церковный вестник. 1905. № 27. С. 856; Чего хотят революционеры? // Прибавления к Почаевскому листку за 1905 г. № 50. С. 386 и др.

Образ врага России имел в церковной периодике вполне сложившиеся черты. Если с внешним врагом всё было ясно: в 1905 г. это были японцы и, иногда, традиционные оппоненты России на мировой политической арене в тот период — англичане, то внутреннему врагу, кроме собственно наименования «врага», редко дают какие-либо дополнительные характеристики. Однако консервативными церковными авторами описываются черты врагов, идентичные характеристикам, приписываемым членам левых и, отчасти, либеральных партий. Напрямую связь образа врага с именем революционера появляется на страницах изданий редко и только в контексте массовых беспорядков, где они выступали организаторами. Говоря о событиях 9 января, неизвестный автор «Церковных ведомостей» так обозначает связь образа «врага» и «революционера»: «Рабочие в массе оказались слепым орудием внутренних... врагов (здесь и далее курсив мой — П. Л.) России. От них скрыты истинные, чуждые народу, зловерные намерения и цели *этих вожаков — революционеров*»⁵.

Деятельность революционеров имела своё сложившееся описание, фокусировавшееся вокруг наиболее одиозных образов: «...революционный кружок людей, подписывающийся каким-то “социал-демократическим комитетом” и рассылающий свои прокламации»⁶. После покушений на В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича к прокламации, обычному атрибуту революционера, прибавляется бомба:

«Крайняя революционная партия продолжает своё разрушительное дело, при помощи подстрекательств речами и прокламациями, насилия, поджогов, револьверов и бомб»⁷.

Цель «врагов»-революционеров определялась как развал государственности и церковности в России. При этом в понимании правых война против русской государственности одновременно означала и борьбу против самой Церкви. Соответственно, разрушение веры означало скорое падение государства и наоборот: покорение страны — гибель для Церкви:

5 Причины печальных событий // Церковный Вестник. 1905. № 3. С. 65.

6 Наши принципы (революция и христианство) // Церковный вестник. 1905. № 38. С. 1201.

7 События ежедневной жизни // Церковный вестник. 1905. № 27. С. 856.

«Врагам нашим нужно расшатать твердыни наши — веру православную и самодержавную власть царскую. Ими Россия жива, на них возросла и окрепла и без них погибнет»⁸.

Полноценный образ врага предполагал и наличие у них определённых методов борьбы. В первую очередь, «враги» в описании церковной публицистики сплочены между собой⁹, в своей вражде против традиционных устоев русского общества — «против нашего царства»¹⁰.

Помимо силовых методов, сводившихся к использованию бомб и револьверов, на страницах православных газет и журналов изъяснялись и пропагандистские шаги революционеров. Несмотря на краткость упоминаний, довольно точно передаются места и способы ведения агитационной деятельности.

«Народ теперь везде слышит проповедь учителей лжи: на фабриках, заводах, железных дорогах, а то и в селе... не только на улицах в городах, но даже и по дорогам в поле... Недобрых вредных книг народу много раздаётся: противорелигиозные и противоправительственные прокламации разбрасываются»¹¹ — сетует владыка Парфений (Левицкий) в своём архипастырском послании духовенству Подольской епархии, обрисовывая почти полную картину основных методов агитации революционеров среди населения. Дополняет изображение агитационных мероприятий уже приводившаяся цитата о рассылке прокламаций комитетом. Таким образом, освещены три основных метода агитации: живая речь, распространение печатных материалов «из рук в руки» или по почте, а также показано стремление революционных организаций к всестороннему территориальному охвату. В самой пропаганде особенно отмечается стремление расколоть духовное единство пастыря и паствы: «...устным и печатным словом они уничтожают и позорят пастырей... враги Церкви стараются через это возбудить недоверие пасомых к своим пастырям»¹².

8 Послание Святейшего Синода // Вера и Церковь. 1905. Книга 2. С. 234.

9 Что творится на Руси // Прибавление к Почаевскому листку за 1905 год. № 42–43. С. 321.

10 Там же.

11 *Парфений (Левицкий), еп.* Архипастырское послание преосвященного Парфения, епископа Подольского и Брацлавского, к духовенству епархии // Церковные ведомости. 1905. № 32. Прибавления. С. 1334–1335.

12 *Макарий (Невский), еп.* Объединимся! // Церковные ведомости. 1905. № 39. Прибавления. С. 1461.

Воздействием врагов-революционеров авторы церковной прессы склонны были объяснять и массовые народные волнения: «В руках их (неблагонамеренных лиц — П.Л.) трудящийся люд петербургских фабрик и заводов оказался слепым орудием»¹³. Главным средством привлечения народа на свою сторону со стороны революционеров называется ложь: «Средством для разъединения они избрали клевету и обман»¹⁴. Этой мыслью выносятся вердикт всем идеям и деятельности революционных организаций в глазах православных изданий: будучи лжецами, «враги» обманом привлекают народ на свою сторону несбыточными надеждами, скрывая свои «истинные, чуждые народу, зловерные намерения и цели»¹⁵. Так как цель внутренних «врагов» — развал страны, то для исполнения этой цели они сотрудничают с врагами внешними. В условиях Русско-японской войны такими сотрудниками отечественных врагов правопорядка стала Япония:

«Всего прискорбнее, что происшедшие беспорядки вызваны и подкупами со стороны врагов России... Значительные средства присланы ими, дабы произвести у нас междоусобицу, дабы отвлечением рабочих от труда помешать своевременной высадке на Дальний Восток морских сил»¹⁶.

Однако консервативные церковные публицисты стремились изобразить врагов России не только с внешней стороны, но и представить в своих материалах их внутренний мир, дать некоторый духовный портрет. Конечно, в первую очередь революционеры — это «те, кто потерял веру в Бога, кто ненавидит православие»¹⁷, во-вторых, «не любит своей родины»¹⁸, и третье: «...готов всё, трудами отцов заведённое в ней, перевернуть вверх дном, перестроить на немецкий лад»¹⁹. Далее переходят к характеристике личного настроения революционера. Такое описание подводит читателя к мысли о прелестном состоянии «врагов» Отечества: «...общими элементами этого духа являются психологические качества самоуверенности и самонадеянности; далее

13 Постановление правительства // Церковный вестник. 1905. № 2. С. 50.

14 Макарий (Невский), еп. Указ. соч. С. 1461.

15 Причины печальных событий // Церковный вестник. 1905. № 3. С. 65.

16 Послание Святейшего Синода // Вера и Церковь. 1905. Книга 2. С. 234.

17 Что творится на Руси // Почаевский листок. Прибавление к Почаевскому листку за 1905 год. № 42–43. С. 321.

18 Там же.

19 Там же.

и специальное — духовное властолюбие и фанатизм»²⁰. Кроме того, развитый до крайней степени эгоизм: «...человек-фанатик, ставящий себя с своею идеей верховным законодателем»²¹.

Таким образом, портрет революционера — «врага» России изображается церковной прессой в виде безумного или близкого к этому состоянию человека, рвущегося к власти, готового использовать простой народ как слепое оружие и прибегать к помощи врагов империи. Планы революционера состоят в построении несбыточного будущего, которое вместо счастья принесёт погибель стране.

Две оценочных мысли, которые стремились донести до читателей авторы церковной прессы относительно программ врагов, — несбыточность этих планов: «...неблагонамеренные лица... увлекли трудящихся людей обманчивыми, несбыточными обещаниями на ложный путь»²², и их простота и одновременно догматичность, в дурном смысле этого слова:

«...революционеры отличаются неподвижной очерченностью своей идеи, немногосложной определённой своей формулы... благодаря этому они не знают... постоянного выбора... для них все раз навсегда ясно, и потому действовать им гораздо легче»²³.

Столь непривлекательная личность должна вызывать соответствующие чувства и реакцию у читателя, о которой говорит и один из публицистов:

«...мы же все прочие русские люди и граждане, при большой даже разнице воззрений, искренне сходимся в отношении нашем к революции: мы отрицаем её, отрицаем с ужасом и отвращением»²⁴.

Таким образом, в понимании консервативной периодической печати происходившие революционные события — не что иное как справедливая оборонительная война, которую ведёт Россия со своими внутренними и внешними врагами. И в этой войне публицистами консервативного лагеря предлагались конкретные методы спасения Родины и победы над врагами.

20 Наши принципы (революция и христианство) // Церковный вестник. 1905. № 38. С. 1202.

21 Там же. С. 1203.

22 Постановление правительства // Церковный вестник. 1905. № 2. С. 50.

23 Наши убеждения // Церковный вестник. 1905. № 38. С. 1202.

24 Там же. С. 1201.

Будучи согласными с гражданскими деятелями правого направления в политике по основным вопросам отношения к западной культуре, церковные публицисты расходились с ними в конкретных приёмах борьбы с революцией. Если правые партии практически сразу после своего создания приступили к организации боевых дружин для вооружённого противостояния революционерам на улицах, то церковные деятели, хотя и находили такое сопротивление возможным, всё же предпочитали сражаться словом.

Более или менее полно в материалах предлагались конкретные действия, которые мог предпринять пастырь в тяжёлое время революции. Наиболее популярной была рекомендация чётко и ясно выступить на проповеди против существующей смуты: «Настоящие дни тяжёлого испытания... время особенно благоприятное, для того чтобы все пастыри «препоясались» и возвысили свой голос в церковных проповедях к пасомым в разъяснение всех... недоразумений, ложных толков и анархических мыслей»²⁵. Само же содержание проповедей не предполагало призыва к насилию, так как, по народной горячности, могло закончиться печально для людей, вовсе не задействованных в революционной агитации:

«В нынешнее смутное время опасно пастырям кидать зажигательные неосторожные выражения в горячий материал, дабы не произвести... нового взрыва страстей и смуты в народе. Особенно осторожно сельским пастырям нужно обращаться в своих обличительных проповедях к крестьянам с такими словами, как “неверующая гнилая интеллигенция”, “образованные люди или классы — безбожные враги Царя и Церкви, крамольники, предатели Отечества”»²⁶.

Однако, когда авторам приходилось комментировать стихийные народные расправы над «неверующей интеллигенцией» или демонстрациями, они останавливались на мысли, что последние виноваты не менее нападавших, так как своим поведением провоцировали народный гнев. Сообщая о беспорядках, произошедших в городе после провозглашения Манифеста 17 октября, «Екатеринбургские епархиальные ведомости» описывали многочисленные случаи насилия и оскорбления императорской особы со стороны участников «освобо-

25 Загоровский Н., свящ. За Веру, Царя и Отечество. (Мысли пастыря церкви по поводу войны и пагубных толков в некоторой части русского народа) // Известия по Харьковской епархии. 1905. № 11. 15 июня. С. 492.

26 Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1905. № 2. Февраль. С. 412.

дительного движения» и заключали, что «не смог вместить сих слов разум русского человека... и — разлад на лицо, а потом и побоище тех, кто посмел хулить и ругать Помазанника Божия... Нет! Виновно в этом только “новое движение”»²⁷.

На храмовой проповеди сопротивление не должно было останавливаться. К примеру, оставшийся неизвестным сельский иерей предлагал пастырям осуществлять постоянное наблюдение за тем, что печатается в гражданских изданиях и принимать меры, если обнаружится что-то противозаконное. В числе таких мер указывалось заявление об их неблагонадёжности в соответствующие правительственные органы²⁸, а для противостояния уже сообщённой дурной информации — учреждение собственного печатного органа²⁹.

Предполагалось также организовать ряд общественных объединений, которые должны были бы содействовать разрядке социального напряжения. В частности, либо усиливать церковную благотворительность³⁰, либо создавать кассы взаимопомощи³¹.

Таким образом, церковные публицисты консервативного направления воспринимали революцию как несомненное зло для России, отчего даже сравнивали её со Смутой XVII в., а её участников именовали не иначе как врагами, наделяя их соответствующими чертами в своих материалах. Первостепенным методом борьбы с революционной напастью авторы материалов считали устное вразумление. Не было однозначным их отношение к насилию: с одной стороны, они порицали его и призывали не допускать народной расправы, а с другой — оправдывали народное буйство как вынужденное. Итак, в своих материалах церковные публицисты правого направления представили особое понимание происходящих событий, опираясь на консервативную модель отечественной общественной мысли.

Как и вся консервативная мысль в целом, правые идеи в церковной среде являются реакцией на усиление нетрадиционных для России

27 Причины печальных явлений // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 168.

28 Сельский иерей. Братский совет // Киевские епархиальные ведомости. 1905. № 49. 4 декабря. Неофициальная часть. С. 1218.

29 Там же. С. 1219.

30 Гроссу Н., свящ. Об отношении духовенства к современным общественным движениям // Киевские епархиальные ведомости. 1905. № 16–17. 17–24 апреля. Неофициальная часть. С. 393.

31 Илиодор (Труфанов), иером. Православные русские люди! // Доброе слово. 1907. № 14–15. 15–22 апреля. С. 535–536.

политических и культурных течений. Поэтому первичной в размышлениях публицистов этой группы стала критика и отрицание западных ценностей как способ защиты привычного уклада жизни. Русское государственное устройство и православная вера — основные ценности, которые было необходимо защищать в современных авторам условиях жизни. Для характеристики современного положения дел в стране церковные публицисты консервативного направления начала XX в. использовали два основных понятия: «смута» — для обозначения революции, и «враги» — для революционеров. Оба этих понятия включают в себя сложную систему образов, которая выстраивает картину мира, где присутствует безусловное добро и безусловное зло. Добро связано с Россией, зло пытается её покорить при помощи чуждых ей идей и при пособничестве со стороны «внутренних врагов», предателей. Задачей патриотов является противостояние иноземному влиянию.

Методы сопротивления «врагам» в материалах консервативного направления обозначаются достаточно чётко, они делятся на «пропагандистские» и организационные. Первые подразумевают словесное разоблачение перед народом вражеских планов. Вторые — меры, призванные снять социальное напряжение и способствовать прекращению вражды. Разумеется, вторые по своему масштабу не могли сравниться с реформистскими задумками революционеров, но крупные изменения и не требовались с точки зрения консерваторов.

В отношении политики правые церковные публицисты не следовали западному представлению о ней как об особой стороне общественной жизни. Она воспринималась как одно из средств борьбы за Родину, не отличающееся от названных выше методов. Поэтому, как только была объявлена свобода политической деятельности, авторы материалов в церковной прессе начали поддерживать правые политические партии.

Библиография

Гроссу Н., священник. Об отношении духовенства к современным общественным движениям // Киевские епархиальные ведомости. 1905. № 16–17. 17–24 апреля. Неофициальная часть. С. 389–394.

За что мы наказываемся. (Из поучения Макария Епископа Томского) // Приходская жизнь. 1905. № 10. Октябрь. С. 309–313.

Загоровский Н., священник. За Веру, Царя и Отечество. (Мысли пастыря церкви по поводу войны и пагубных толков в некоторой части русского народа) // Известия по Харьковской епархии. 1905. № 11. 15 июня. С. 490–497.

Илиодор (Труфанов), иером. Православные русские люди! // Доброе слово. 1907. № 14–15. 15–22 апреля. С. 535–536.

Л. М. Б. По поводу событий, переживаемых Россией, и послания Святейшего Синода православным русским людям // Известия по Харьковской епархии. 1905. Кн. 2. 31 января. С. 60–65.

Макарий (Невский), еп. Объединимся! // Церковные ведомости. 1905. № 39. Прибавления. С. 1461–1464.

Наши принципы (революция и христианство) // Церковный вестник. 1905. № 38. С. 1201–1206.

Никольский П. Церковь и общественная жизнь // Православный путеводитель. 1905. Т. 1. Январь. С. 139–153.

Парфений (Левицкий), еп. Архипастырское послание преосвященного Парфения, епископа Подольского и Брацлавского, к духовенству епархии // Церковные ведомости. 1905. № 32. Прибавления. С. 1333–1336.

Послание Святейшего Синода // Вера и Церковь. 1905. Книга 2. С. 233–234.

Постановление правительства // Церковный вестник. 1905. № 2. С. 49–51.

Причины печальных событий // Церковный вестник. 1905. № 3. С. 65–68.

Сельский иерей. Братский совет // Киевские епархиальные ведомости. 1905. № 49. 4 декабря. Неофициальная часть. С. 1216–1220.

Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1905. № 2. Февраль. С. 401–416.

События ежедневной жизни // Церковный вестник. 1905. № 27. С. 856.

Чего хотят революционеры? // Прибавления к Почаевскому листку за 1905 г. № 50. С. 386–388.

Что творится на Руси // Прибавление к Почаевскому листку за 1905 год. № 42–43. С. 321–325.